

Д.В. ТРУБИЦЫН

КАПИТАЛИЗМ И ВЕБЕРИАНА В РОССИИ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ. Часть 2. АПОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Дается критический анализ российской веберианы в применении к проблемам современного общества (социальных последствий распространения информационных технологий) и методологическим проблемам современной социологии («больших данных» и «революции архивов»), представленной в работах Н.Н. Зарубиной. Обосновывается, что принципы и метод понимающей социологии в реальности приводят не столько к познанию, сколько к отторжению социальных инноваций. Подвергается критике веберианская оценка исторической динамики западных стран, причем как прогнозы самого М. Вебера относительно развития капитализма в этих странах, так и оценка успехов их модернизации в XX – начале XXI в. его современными последователями. Высказывается мнение относительно роли капитализма в процессе модернизации, обосновывается, в том числе с опорой на труды М. Вебера, что именно капитализм как система отношений формирует позитивные ценности и нормы современного индустриального общества.

Ключевые слова: модернизация • капитализм • методология • понимающая социология • протестантская этика • культура

DOI: 10.31857/5013216250017008-1

1

Несмотря на выявленное М. Вебером отсутствие этических предпосылок капиталистической модернизации в непротестантском мире, она все же идет. Однако вебериана оценивает ее результат невысоко. Китай, пишет Н.Н. Зарубина, развивался в конце XX в. по пути очень продуманной и четко выстроенной адаптации к внешним условиям, в том числе заимствования и имитации успешных проектов, а «встраивание» Индии в современность происходит в значительной степени благодаря быстрому и эффективному развитию в некоторых высокотехнологичных отраслях, в том числе в создании программного обеспечения для цифровой техники [Зарубина, 2020: 10]. Такая интерпретация происходящего выдает желание (мы не утверждаем, что так и есть на самом деле) намекнуть на некую неполноценность экономического развития этих стран. Создание программного обеспечения вчерашними колониями и полуколониями, их превращение в «мастерскую мира» не представляются автору существенными достижениями. Выход на лидирующие позиции в мире по общему объему ВВП, внешней торговли (не за счет продажи сырья), оттеснение на 3–4 места таких промышленных гигантов, как Япония и Германия, – всего лишь результат «четко выстроенной адаптации к внешним условиям» и «заимствования и имитации успешных проектов». Возникает вопрос и к строгости мышления о причинах. Что значит «в том числе» и «в значительной степени», насколько велико число и значительна степень?

Безусловно, в причинах успехов этих и других новых индустриальных стран содержатся и низкий уровень жизни, следовательно, облегчившая завоевание внешнего рынка дешевая рабочая сила, и обеспеченная демографическим давлением огромная конкуренция на рынке рабочих рук, и несоблюдение прав интеллектуальной собственности, и многое

другое. Однако факт остается фактом – им удалось создать производящую экономику на уровне мировых требований к качеству продукции и услуг.

Второе важное обстоятельство – они сделали это на основе рыночной экономики, пусть и под контролем в ряде случаев несвободного политического режима. Как пишет экономист, успехи развития этих гигантов, как и других, менее значительных стран Востока и Латинской Америки, связаны с капитализмом. Не «в значительной мере», не «в том числе», а именно благодаря ему «страны третьего мира, подключившиеся к глобализации капитализма, переживают беспрецедентное в истории процветание и резкое сокращение бедности. Наоборот, за бортом благосостояния оказались страны (в основном африканские, центральноазиатские и ближневосточные), не сумевшие интегрироваться в глобальную экономику. Вопреки утверждениям критиков, глобальный капитализм продемонстрировал свою способность повышать благосостояние и искоренять бедность везде, где ему позволяют развернуться». Что же касается «азиатской модели», пишет ученый, она уже прекратила свое существование. Все больше стран осознает, что единственным дееспособным образцом можно считать то, что презрительно называют «англосаксонской моделью капитализма» [Лал, 2009: 178, 340].

Не во всем соглашаясь с этой мыслью (колебания между курсом *laissez-faire*, под которым подразумевается «англосаксонская модель», и дирижизмом неизбежны и в будущем), результаты развития надо оценивать объективно. А они показывают, что с того момента, как большинство развивающихся стран выбрали либеральную экономику, масштабы бедности («вопреки оценкам Стиглица, Всемирного банка и бригады антиглобалистов» [там же: 198]) сокращались. Фиксировались также сокращение в этих странах разрыва между богатыми и бедными и рост за счет них мирового среднего класса: если в 1960 г. жители Азии составляли от него лишь 6%, то в начале нового тысячелетия – уже 52% [Bhalla, 2002: 187]. Поэтому данные показывают, что эти страны не «встроились в современность», они ее производят. При всех издержках они приобрели опыт создания производящей экономики на основе капитализма и теперь располагают многомиллионным населением, способным и далее осуществлять эту модель.

Не сбылись и опасения «культуралистов» относительно «разрушения традиционных ценностей». Как показывают непосредственно социологические исследования [Srinivas, 1996; Whyte, 1996; Mayer, 1996; Beteille, 1996], результаты которых надо отделять от риторики правящих режимов, переживая модернизацию, страна не утрачивает своей «души». И тот факт, что современный мир движется по пути, намеченному С. Хантингтоном в его «Столкновении цивилизаций», подтверждает тезис о гибкости культуры и относительной независимости друг от друга картины мироздания и материальных представлений. Поэтому стоит согласиться с утверждением, что модернизация возможна и без вестернизации, а «единственная цивилизация, еще не полностью осознавшая эту истину, – цивилизация ислама» [Лал, 2009: 265]. Приходится добавить к этому Россию, в которой, как верно заметила Н.Н. Зарубина, «поиск оснований для материальной рационализации, т.е. новых ценностей и смыслов, способных мотивировать прорыв в будущее, пока продолжается» [Зарубина, 2020: 10]. Однако единственное, что нам остается в свете сказанного в первой части об игнорировании объективного в феномене социального, – уповать на чудо веберовской рационализации: «именно прозрения, “осевые прорывы” в этой области обеспечивают выход на новые уровни развития» [там же: 13]. Оценка этих надежд впереди, пока обратим внимание на «прорывную» лексику: она закономерна, если история движется не усилиями миллионов людей, вступающих в те или иные системы отношений, а «прозрениями».

II

С небезупречной, как видим, оценкой успехов развития незападного мира тесно связана нравственная критика реального капитализма. Но если веберовская, столетней давности, была осторожной – «кто знает, навсегда ли ушел из мирской оболочки дух аскезы?» [Вебер, 1990в: 206], то современная склонна приписывать капитализму все ужасы

последних столетий. Он «проделал путь, полный трагических коллизий», тренд «формальной рационализации реализовался практически во всех областях жизни современных обществ, воплотившись в фордистской организации массового производства, в макдональдизации массовых потребительских практик и даже в холокосте как чудовищной машине массового уничтожения людей», а «протестантская этика ... привела Запад к "стальному панцирю" господства рынка над обществом» [Зарубина, 2020: 8–9].

Как видим, метод не слишком требователен и позволяет приписать изучаемому явлению очень многое, противопоставляя это данным экономики и номотетической социологии как равноценные аргументы. А также не заметить факты, не вписывающиеся в «понимание». Например, что в путь, «полный трагических коллизий» (когда человеческая история была иной?), входит беспрецедентный экономический рост, позволивший миллионам людей удовлетворять материальные и духовные потребности на современном уровне. И что при всем несовершенстве этой формы отношений из имеющихся она лучше всего развивает и реализует способности людей – не случайно только при ней стало возможно понятие «человеческий капитал».

Недооценку этого свойства капитализма выдает фраза Вебера о «последнем центнере горючего» [Вебер, 1990в: 206]. Это, конечно, метафора, но она указывает на понимание капитализма как игры с нулевой суммой. Интересная, хотя и грубо сформулированная закономерность, идущая вразрез с данной логикой, – чем меньше «центнеров горючего» находится в распоряжении страны, тем более она преуспевает в экономическом развитии. Однако в глазах значительного числа людей экономика все равно остается игрой с нулевой суммой. Суть этой политекономии в том, что количество материального богатства всегда конечно, и если где-то прибыло, значит, где-то убыло, а обогащение одного означает обеднение другого. Нет нужды доказывать, как тесно эти представления связаны с коммунистическими идеями, и что длительное господство данной идеологии, наложенное на традиционное русское «правдоискательство», сделало их почти неискоренимыми в нашей стране.

Однако культурное и идейное наследие пусть медленно, но преодолимо. А прежде всего данная установка подпитывается отношениями рентно-сырьевой экономики, которые, как оказалось, мало отличаются от отношений в аграрных обществах¹. Последние тоже зависят от конечного природного продукта и условий его добывания, а не от потенциально бесконечных возможностей человека – таланта, образования, квалификации. Человеческие способности, будучи неограниченными, неограниченно воспроизводят материальное богатство. Природный же ресурс, даже будучи огромным, всегда конечен. А поскольку такая экономика и беднее, чем производящая, и обладает другим опасным недугом (рано или поздно государство сосредотачивает в своих руках главный ресурс и выстраивает вертикали господства и подчинения взамен договорных отношений), власть распределяет это богатство как конечное. Основным социальным актором такой системы становится «бюджетник», полностью зависящий от суммы распределяемого богатства и вертикальных структур. Поэтому результатом его «рационализации» станет не только этика зависимости, но и понимание экономической деятельности как игры с нулевой суммой. Как видим, вебериада эту политекономию не преодолевает и проблему такую не ставит.

Есть и другое противоречие. Если столетие назад Вебер обнаружил проблемы, связанные с уходом протестантской этики из капитализма, настолько серьезные, что может наступить «век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость» [Вебер, 1990в: 206–207], как объяснить не крах, а еще больший его взлет в XX – начале XXI века? Графики роста мирового ВВП показывают подъем XX в., многократно превышающий предыдущий, а вторая половина этого столетия и вовсе перемещает центр мирового капитализма с Запада на Восток. Как это

¹ Дж. Фостер использовал это понятие для описания крестьянской культуры [Foster, 1967].

могло произойти, если уже в начале XX в. забота о мирских благах из тонкого плаща, скрывающего ценностный стержень, превратилась в «стальной панцирь», сковавший и подчинивший себе человека? [Зарубина, 2020: 9]. Как «бездушным профессионалам, бессердечным сластолюбцам и ничтожествам» удалось сделать то, что экономист описывает как «самое потрясающее явление последних десятилетий прошлого века» [Лал, 2009: 254]? Итогом деятельности «копошащихся ничтожеств» и «безыдейных мещан» стало возрождение из экономического небытия многомиллионных стран. Вебер сомневался в возможностях капитализма без протестантской этики, эти сомнения должны разделять его последователи. Не потому ли они дают столь невысокую оценку результатам их развития?

Но важнее причинно-следственные связи иного рода. Тот факт, что духовная легитимация, будучи важной в период, когда капитализм только утверждался, уже не столь важна в последующем, зафиксировал и сам Вебер [1990в: 206]. Но не означает ли это, что и в период раннего капитализма как фактор динамики она была *не важнее* других, не связанных с религией, обстоятельств?

Однако дело не только в экономических свойствах капитализма, важнее его «социологический» эффект, причем обратный тому, который хотел продемонстрировать Вебер. Как ранний капитализм сформировал у своих субъектов «протестантские добродетели», так всю последующую историю он является генератором таких ценностей и норм, как самоконтроль, личная ответственность, честность. А ведь именно Вебер констатировал, что «повсеместное господство абсолютной беззащитности и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазному развитию являются “отсталыми” по западноевропейским масштабам» [Вебер, 1990в: 78]. И он же впервые указал на то, что капитализм произошел не из стяжательства и алчности, как принято считать, а из их преодоления. Своевременным было и другое – разоблачение романтического мифа о моральной чистоте деревенской жизни и неявное указание на то, что сознательно честных субъектов порождает городская капиталистическая экономика: «крестьянин мало склонен к аскетическому рациональному жизненному поведению. Этическая идеализация крестьянина – продукт современности» [Вебер, 1990в: 251].

Напомним, что на удочку «естественной» морали «простого народа» попались в свое время Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Гердер, О. Шпенглер, Л. Толстой и русские народники, германские романтики и национал-социалисты. Повторяют эту ошибку и современные «культураллисты», ищущие в народных нравах основания «особого пути». Как правило, этот поиск заканчивается идеализацией сельского уклада жизни. Вебер стал одним из первых, кто развеял эти иллюзии, однако сам, следуя методологическому индивидуализму, не сделал из этого социологических выводов о роли договорных отношений в формировании ценностей и норм современного общества. И фактически подтвержденные выводы о том, что *капитализм воспитывает*, оказывая благотворное влияние на моральное состояние общества, теряются в потоке штампованной критики этой системы отношений. Мы же призываем к еще более широким их обобщениям. Сравнение рыночных и административных структур в любом обществе, даже в современном индустриальном, включая страны «устойчивой демократии», показывает эффекты более стремительной деградации бюрократических систем по сравнению с коммерческими, равно как более низкую их эффективность. Полагаем, можно назвать причину. Деградации под влиянием эгоизма подвержены любые структуры, и вертикальные, и горизонтальные. Но вторые, будучи коммерческими, находятся под неусыпным контролем не субъекта, а объективных результатов их деятельности. Капитализм, как ни вызывающе это звучит, оказался реальным «зеркалом души» – возымел положительный нравственный эффект – именно поэтому.

III

Рассмотрим применение веберовского подхода к анализу современных проблем. «Эмпирические корреляции между явлениями, устанавливаемые “цифровой наукой” с помощью формальных алгоритмов на основе больших данных, позволяют эффективно действовать, но не дают понимания причинных связей (курсив наш. – Д.Т.) ...они не более значимы, чем практический опыт “торговки овощами” или дикаря, прекрасно умеющих оперировать с природным, инструментальным и хозяйственным окружением и знающих о нем все, что необходимо для эффективных практик. ...что имеет для нас значение – знать условия эффективного достижения практических целей, или понимать современный мир во всем многообразии его проявлений и связей?» [Зарубина, 2021: 6].

Во-первых, почему или-или? Объяснение мира «во всем многообразии его проявлений и связей» означает и знание «условий эффективного достижения практических целей». Есть разные уровни постановки проблемы и, соответственно, разные задачи в рамках одной исследовательской программы. Априорно одинаковыми факторами истории (пока не доказано обратное) являются и практические навыки торговли и дикаря, и их мировоззренческие установки. Если капитализм развился не только потому, что был «правильно» рационализирован, но и в силу его чисто экономических свойств, и именно благодаря ему, а не протестантской этике, произошла модернизация, не учесть это знание при обобщении нельзя.

Во-вторых, приходится констатировать переключение аргументации с одной сферы на другую. Речь идет об исторической социологии, статья публикуется в соответствующем разделе, но позитивистское ее направление критикуется посредством свойств практической социологии. «При абсолютизации “цифровых” методов в социальном и гуманитарном знании они приводят к упрощениям и необоснованным обобщениям, заменяют объяснительные функции науки описаниями. Для некоторых апологетов цифровых социальных наук их главная задача сводится к определению практически значимых корреляций, с помощью которых можно прогнозировать действия людей, например потребительское и электоральное поведение» [Зарубина, 2021: 6]. Автор поднимает проблему «больших данных» и «революции архивов» («появилась возможность использования формальных вычислительных методов для обработки данных исторического, социального, культурного, художественного характера»), но критикует позитивизм на основе свойств «прогнозной аналитики», для которой «важен практический результат» [там же: 5–6].

Разве историческая социология как номотетическая наука не направлена на понимание социального мира «во всем многообразии его проявлений»? Разве классическая статья К. Гемпеля «Функция общих законов в истории» не обозначает в качестве цели данной науки выявление этих самых причинных связей? [Гемпель, 2000]. Нет в современной позитивной исторической социологии ни «ориентации на коммерческую эффективность», ни «ущерба масштабным теоретическим построениям» [Зарубина, 2021: 8]. Как раз она осуществляет соединение теории и эмпирии², а практикуемые ее представителями, например, логический эмпиризм и номологический подход подразумевают в качестве цели обнаружение законов истории [Розов, 2009].

Что предлагает «понимающая социология» в качестве альтернативы номотетики? Она предлагает выяснить, как оформляют в своем сознании дикарь и торговка овощами повседневные экономические практики, считая, что это и есть подлинное социологическое исследование истории. Что ж, это необходимо, и анализ системы ценностей как одного из факторов исторической динамики входит в задачи номотетики. Но нужно также выявление общих законов (а не просто «незначительных практических корреляций», на

² На Западе – Р. Карнейро, Т. Скочпол, Дж. Голдстоун, Р. Коллинз, в России – Н.С. Розов, П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев и др. Важно, что многие из них считают себя последователями Вебера, но не культуроцентризма, а подхода, при котором «отнесение к ценности» – учет лишь одного из факторов исторической динамики.

основании чего автор критикует позитивную социологию). Если же вспомнить, что ценности и смыслы дикаря и торговли нельзя обобщить, поскольку к каждой из этих «рациональностей» нужно подходить как к неповторимому явлению, существующему только раз в истории, станет ясно, что это полностью закрывает дорогу к формулировке проверяемых теоретических положений. Вот и оказывается, что не позитивизм, а вебериана ограничивается описанием, и посредством нее не получится «понимать современный мир во всем многообразии его связей». А может ли «отнесение к ценности», т.е. интерпретация мотивов поведения акторов с точки зрения базовых смыслов их культуры, само по себе, без обработки фактов генерализирующим методом, обеспечить адекватное понимание всей картины истории, мы предлагаем судить читателю. Ведь утверждение, что «надличностные смыслы» для истории существеннее, чем измеряемые объективные данные, – позиция отдельного ученого. И как таковая может и должна подвергаться критике.

IV

Более того, такое представление проблем современного общества показывает скорее его неприятие, чем стремление познавать. Особенно это касается влияния информационных технологий – в который раз западный классик сводится к инструменту критики идущих с Запада же инноваций. Что-то из обозначенного реально и правда составляет проблему, например, «эффект Google» и «цифровое слабоумие» [Зарубина, 2020: 11]. Однако без точных данных о степени распространения этих явлений, чем и должна заниматься социология как эмпирическая наука, это напоминает алармизм. Поскольку в определенной степени подобное имело место и раньше, в массовой культуре и образовании без персональных компьютеров и Интернета (припоминается, как еще в 80-х гг. в связи с распространением калькуляторов забили тревогу советские учителя математики), необходима динамика, отраженная в цифрах. Здесь же оценка приведена без статистики и конкретизации, а потому может вызвать возражения. Например, не очевидно, что «рационализация жизненного поведения осуществляется не сознательным самоконтролем индивидов, а внешним принудительным воздействием цифровых машин», и что «сетевые сообщества... не предполагают ни нравственной, ни эмоциональной вовлеченности, ни усилий для того, чтобы соответствовать требованиям и уровню общения» [там же: 11–12]. Вызывает сомнения и «готовность переложить на цифровые машины и формальные алгоритмы принятие решений в различных областях жизни» [там же].

Даже если что-то из сказанного здесь реально, важно учесть следующее. Как среда, в которой можно высказать свое мнение или совершить поступок инкогнито, Интернет показывает, что представляет собой человек на самом деле. Поэтому так актуальны сегодня социологические исследования в Интернете – он способен продемонстрировать истинное лицо страны, культуры, индивида. И интересно узнать, какое нравственное содержание вкладывают в общение в Интернете эти разные субъекты, является ли эта проблема глобальной и существует ли она вообще, если применить не метод Вебера, а номотетическую социологию.

Незаслуженно окрашен в черный цвет «цифровой номадизм», которому приписаны гедонизм, отказ от обременения себя длительными отношениями и устойчивой приверженностью определенным взглядам, избегание обязательств и ответственности [там же: 12]. Работа современного «интернет-кочевника» – свободный выбор и индивидуальная ответственность за него. Мы не видим в ней «освобождения от ответственности за рационализацию своего поведения» и не считаем, что нет здесь ничего общего с аскетизмом протестантских профессионалов [там же: 12]. Цифровая экономика подобна компьютерной программе – не терпит ошибок и имитации труда. Здесь нет места формальности, никто не встречает человека в начале рабочего дня, не следит за ним в процессе, хорошо известный советским трудящимся «нормировщик» не ставит «восьмерку», а колхозникам – «трудодень» (идеальный пример формальной «рационализации»). И ничего

машинам не «делегировано» [там же: 13]. Цифровые технологии не действуют «принудительно» и сами по себе, они созданы человеком, в основе их деятельности лежат те же «легальные установления». Наличие машин не исключает сознательного поведения человека – нравственный выбор он делает сам, а если они и утрачивают «человекосо-размерность», то не больше, чем институциональные нормы любых стран любой эпохи.

Например, критикуется электронная система социального рейтинга, при которой «от человека не требуется сознательная мотивация действий, ему достаточно соответствовать формальным правилам, контролируемым машиной» [там же: 10]. Однако можно найти примеры ближе, пусть и не столь технологичные. Рейтинговые системы оценки знаний студентов в современных российских вузах, часто оборачивающиеся формальным набором баллов, и собираемые детьми многочисленными «портфолио» превращают образование, творчество, спорт в формальность ничуть не меньше, чем системы оценки потенциальной платежеспособности клиентов банков. С той лишь разницей, что в последнем случае речь идет о бизнесе (почему бы банку не поинтересоваться человеком, обратившимся за займом?). А вот как массовое явление формализация смыслообразующих сторон жизни имеет куда более серьезные последствия. И разве не такой была плановая отчетность советских предприятий, обязательное «участие» граждан в общественной работе, их членство в разного рода «обществах», посещение партийных и комсомольских собраний, субботников, в конце концов, присутствие на работе, но далеко не всегда – качественное выполнение самой работы? Почему электронный социальный рейтинг, правила, контролируемые машиной, – проблема, а принудительное выполнение многочисленных правил, пусть и не электронных, – нет?

При этом, если речь идет о формальных правилах, нет оснований обвинять в сложившейся ситуации саму рейтинговую систему, например, оценку знаний студентов или систему портфолио. Это только формы, которые сами по себе ни хороши, ни плохи. Их эффект определяется содержанием, т.е. деятельностью субъектов, качеством их работы, их отношением к делу. Могут хорошо работать и они, включая критикуемый всеми ЕГЭ, если не относиться к ним формально. То есть проблема не в них и, соответственно, не в технологиях, а в самом человеке, который делает свой нравственный выбор относительно того, как их использовать.

Может показаться, что эти рассуждения возвращают нас к Веберу: раз формы нейтральны, все зависит от того, какое духовное содержание вкладывает в них субъект. Например, только протестантское духовное наполнение капитализма привело к «возвышению Запада». Однако это верно только на первый взгляд. Попробуем двигаться в обратную от веберовского субъективизма сторону и зададимся вопросом: каково предельно объективное обстоятельство, позволяющее актерам относиться к правилам формально, причем в массовом (социологически рефлексированном) порядке? Это отсутствие в обществе реальной конкурентной борьбы на основе договорных отношений и капиталистической экономики, при которой действия акторов подвержены эффективной, в силу ее безличности, оценке. Но для этого надо признать противоположное веберу: первичным условием формирования и осуществления того или иного типа рационализации являются социальные отношения. Какие-то из них порождают близкую действительности картину мира, какие-то – далекую от нее. Сложившийся к XVI в. капитализм требовал от его акторов содержательной деятельности, а не формальной, потому-то столь сильно различались средства спасения души у католиков и протестантов, и поэтому столь эффективной оказалась деятельность последних по преобразованию мира.

Так же с информативными технологиями. Если никто не освобождает человека от необходимости самостоятельно зарабатывать на жизнь, а значит, объяснять мир, вступая с ним в *реальные* отношения, созданная в условиях капитализма «формальная рационализация» не утрачивает своего содержания. Общество продолжает относиться к информационному пространству как к действительности, ничем существенно не отличающейся от физического мира вокруг, за который надо нести ответственность.

Заметим, однажды Н.Н. Зарубина все же выходит на проблему объективного, когда говорит о несоответствии коммунистической идеологии советской действительности. «Эта рационализация происходила как насаждение коммунистического этоса при отсутствии интериоризации значительной частью населения, а также невозможности рационализации повседневной жизни вследствие расхождения декларируемых ценностей и реальности. Это привело к быстрому превращению ценностей в бессодержательные формальные ограничительные рамки...» [Зарубина, 2020: 8]. Но здесь же видно, как наиболее существенное в исторической судьбе советского общества – несоответствие его картины мира действительности – помещается на второй план. И это не частный случай, а тенденция. И в изучении глобальной истории, и в исследовании частных проблем российская социология (не без влияния веберiana) повторила с почти столетним отставанием «культуралистский поворот» западной науки. Культура стала «доминирующей категорией в понимании истории, в разработке теории модернизации целостной цивилизации, а не только отдельной страны» [Шевченко, 1995: 74]. Однако это не привело к заметным познавательным «прорывам»: представления о российской культуре в процессе модернизации явно не стали богаче, главная мысль «культуралистов» не ушла дальше критики либерального курса под предлогом того, что Россия – не Запад. Нет и позитивных практических результатов – в который раз описав круг «застой-реформы-контрреформы», российское общество вернулось в исходную точку.

Что же касается западной социологии, в том ее кластере, что тяготеет к точному знанию, наблюдается тенденция к преодолению культуралистского крена. Звучат, например, предупреждения о том, что культура не автономна от общества – ее формы и изменения не объяснимы только в ее собственных терминах [Коллинз, 2002: 53], что культурный детерминизм есть худшая форма детерминизма, исключая всякую альтернативность истории [Коллинз, 2015: 198]. И как идея, что неизменная во времени культура пересиливает все прочие факторы и диктует траекторию, по которой общество с неизбежностью будет следовать, он нежизнеспособен «ни как теория, ни как практика» [Харрисон, 2016: 54].

Заключение. Важное для предлагаемых здесь тезисов обстоятельство состоит в том, что все новое, в том числе затронутое автором анализируемых работ – социальные последствия распространения информационных технологий, накопление исторической информации и свободный доступ к ней, пришло в российское общество, как и предшествующие инновации, *извне*. Российская модернизация не состоялась, перипетии последних десятилетий – попытка реформирования советского общества и распад СССР, либеральные реформы и последующий консервативный курс – не привели к необратимому формированию существенных признаков и принципов современного индустриального общества. В данной работе не затронут важнейший для российского обществознания вопрос о причинах, а лишь обозначена авторская позиция. В соответствии с ней в России так и не сформировался механизм саморазвития, становление современного общества носит вялотекущий характер, обусловленный преимущественно внешним влиянием, избирательным и некачественным заимствованием передовых идей, институтов и технологий. Произошло это, как и в начале XX в., на предыдущем витке циклического процесса, из-за отторжения необходимой составляющей модернизации – капитализма. Хотя на этот раз он не отрицается радикально, частнокапиталистические отношения и принципы, а значит, и горизонтальные договорные отношения, репродуцирующие базовые ценности современного общества, размыты или замещены государственными (часто – квазигосударственными) вертикалями господства и подчинения.

Понимание «современных социокультурных процессов» требует объяснения не только субъективной составляющей – что думают люди о социальной реальности, но и исследования самой этой реальности. Ее же формируют социальные структуры, обнаруживаемые эмпирической социологией, а на теоретическом уровне обрабатываемые посредством обобщающих методов для выявления их реальной значимости в истории. Надежды веберianцев на «прозрения», которые укажут, наконец, путь российской модернизации,

не сбудутся, поскольку главная теоретическая предпосылка этой идеи была неверна. Не протестантская этика определила развитие европейского капитализма. Напротив, она возникла, когда тысячи субъектов уже в целом сложившейся капиталистической экономики стали вписывать повседневную деятельность в сознание глубоко верующего человека, примирять идею спасения души с экономической реальностью. Вебер продемонстрировал, к каким хитросплетениям прибегает сознание, на какие изощренные повороты способна человеческая мысль. Однако главная задача его работы, к которой он приложил гигантский талант ученого, – показать в пику марксистскому и позитивистскому объективизму наличие обратной причинной связи, привела западную, а спустя столетие и российскую социологию к заблуждению. Оно состоит в том, что духовные «прорезания», обеспечивающие «прорывы» развития, могут возникнуть сами по себе. Но поставленная веберовской во главу угла культура, безусловно, являясь существенным фактором динамики общества, не порождает себя сама. Она «развивается», т.е. в ней возникают новые формы, когда ее субъекты-творцы, повседневно вступая в социальные отношения, порождают и разрешают тысячи нравственных проблем и конфликтов, возникающих в процессе их активной деятельности. В стагнирующем социуме напрасно ждать духовных прорывов, потому что не «прорезания» делают историю, а рутинная работа миллионов людей. Возможно в области духа история и правда – «сад возникающих тропок», и в любой момент может найтись этическое учение, примиряющее субъекта с объективной реальностью и одновременно стимулирующее его активность. Но в чем мы твердо уверены – это произойдет не в рентно-сырьевой стране со стагнирующей экономикой. Для порождения новой действенной рационализации, способной, подобно протестантской этике XVI–XVII вв., стать мощным импульсом развития, нужен индивидуальный вызов активно действующей личности, самостоятельно обеспечивающей свое существование и так же самостоятельно разрешающей нравственные конфликты. Без этого отечественной науке только и останется изучать другое, не свое информационное общество, изучать чужие технологии и их воздействие на человека.

Исследуя протестантскую этику, М. Вебер зафиксировал важный ее принцип: «*tua res agitur*» – «за тебя говорят твои дела». Думается, главное *познавательное* открытие сделал тоже не Вебер, а те, чьи воззрения он изучал: «эмпиризм приближает к Богу, а философская спекуляция уводит от него... Бог побуждает людей к тому, чтобы они стремились познать истину своими глазами, руководствуясь не какими-либо авторитетами, а одним лишь здравым рассудком» [Вебер, 1990в: 239].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990а. С. 345–415.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: М.: Прогресс, 1990б. С. 61–272.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.
- Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1.: История и макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 13–26.
- Зарубина Н.Н. Актуализация методологического наследия М. Вебера в поисках ответов на вызовы современной социологии // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 3–14.
- Зарубина Н.Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 3–15.
- Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.
- Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Лал Д. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке / Пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2009.

- Ларин А.Г. Президент, или демократия с тайваньской спецификой. М.: Муравей, 2004.
- Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
- Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009.
- Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004.
- Уайтхед А. Избранные работы по философии. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2016.
- Шевченко В.Н. Теория модернизации с социально-философской точки зрения // Модернизация и национальная культура. М.: Апрель-85, 1995. С. 70–77.
- Beteille A. Caste in Contemporary India // *Caste Today* / Ed. by C.J. Fuller. New Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Bhalla S. *Imagine There's No Country: Poverty, Inequality and Growth in the Age of Globalization*. Washington, D.C.: Institute of International Economics, 2002.
- Bhaskar R. *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. New Jersey: Humanities Press, 1979.
- Foster G.M. *Peasant Society and the Image of the Limited Good* // *Peasant Society: A Reader*. Potter J.M., Diaz M.N., Foster G.M., eds. Boston: Little Brown, 1967. P. 293–315.
- Mayer A. Caste in an Indian Village: Change and Continuity, 1954–1992 // *Caste Today* / Ed. by C.J. Fuller. New Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Srinivas M.N. *Village, Caste, Gender and Method*. New Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Whyte M.K. The Chinese Family and Economic Development: Obstacle or Engine? // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 45. № 1 (1996). P. 1–30.

Статья поступила: 30.09.21. Принята к публикации: 10.11.21.

CAPITALISM AND THE WEBERIANA IN RUSSIA: REVISITING THE POSSIBILITIES OF VERSTEHENDE SOCIOLOGY. PART 2. AN APOLOGY FOR CAPITALISM

TRUBITSYN D.V.

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. The paper offers a critical analysis of the Russian Weberiana applied to problems of contemporary society (social consequences of information technology expansion) and to resolving methodological problems of modern sociology (the problems of “big data and the revolution of archives”). Reasons are given that the principles and the method of understanding sociology actually lead to the rejection of social innovations, not to knowledge. The article criticizes the Weberian evaluation of historical dynamics of non-Western countries (both Weber’s prognoses for the development of capitalism and modern evaluations of their modernization). Another point of issue is the role of capitalism in the modernization process; it is stated (relying among others on the works of M. Weber) that positive values and norms of a modern industrial society are formed by capitalism as a system of relations.

Keywords: modernization, capitalism, methodology, verstehen sociology, Protestant ethics, culture.

REFERENCES

- Collins R. (2002) *The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change*. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf. (In Russ.)
- Collins R. (2015) *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Transl. from Eng.; afterword by N.S. Rozov. Moscow: URSS: LENAND. (In Russ.)
- Harrison L. (2016) *Jews, Confucians, and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

- Hempel K. (2000) The Function of General Laws in History. *Vremya mira* [The World Time]. Vol. 1: History and Macrosociology in the XX. Century: 13–26. (In Russ.)
- Huntington S. (2003) *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Lal D. (2009) *Reviving the invisible hand: The case for classical liberalism in the twenty-first century*. Moscow: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2009) *Historical Macrosociology: Methodology and Methods*. Novosibirsk: NGU. (In Russ.)
- Shevchenko V.N. (1995) Modernization Theory from a Sociophilosophical Point of View. In: *Modernization and National Culture*. Moscow: April'–85: 70–77. (In Russ.)
- Weber M. (1990a) "Objectivity" in social science and social policy. In: *Selected Works*. Moscow: Progress: 345–415. (In Russ.)
- Weber M. (1990b) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: *Selected Works*. Moscow: Progress: 61–272. (In Russ.)
- Weber M. (2017) *The Economic Ethics of World Religions: Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism*. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2020) The Theory of Rationalization of Max Weber as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–15. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2021) Updating the Methodological Heritage of M. Weber in Search for Answers to the Challenges of Modern Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. (In Russ.)

Received: 30.09.21. Accepted: 10.11.21.